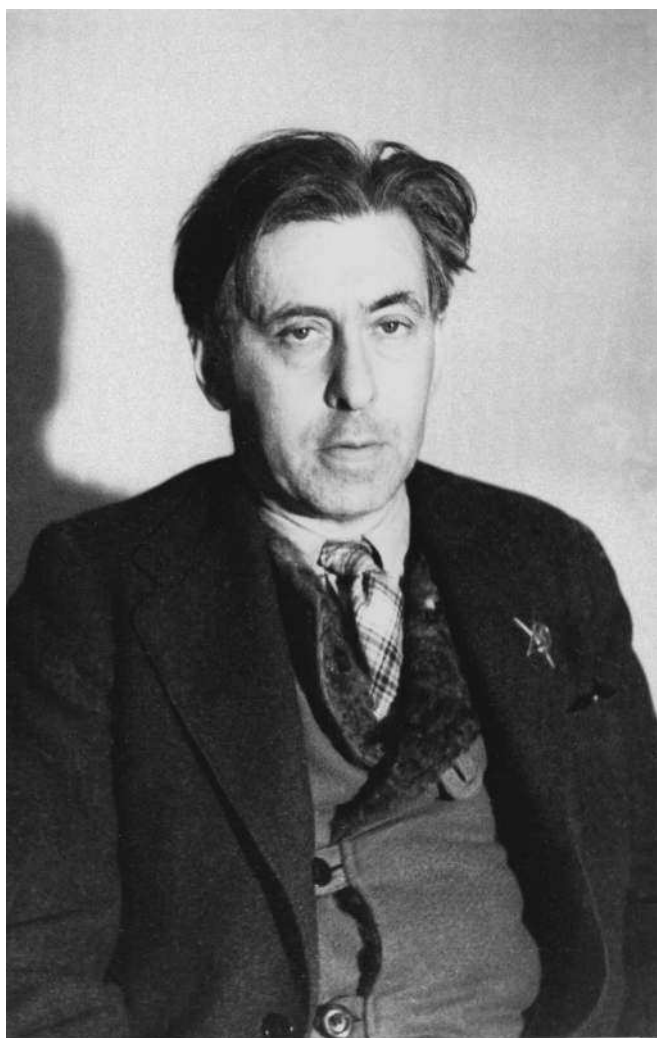

1941
1942
1943
1944
1945

Mike Spence

ИЛЬЯ ЭРЕНБУРГ

Издание подготовлено Б.Я. Фрезинским

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Э 76

В книге использованы фотографии
из архивов Б.Я. Фрезинского и РИА Новости

Эренбург, Илья Григорьевич

Э 76 Война. 1941–1945 / И. Эренбург; подгот. текста, сост., вступ. ст.,
примеч. Б.Я. Фрезинского. — Москва: Издательство АСТ, 2020. —
576 с. — (75 лет Великой Победы).

ISBN 978-5-17-119494-9

Эта книга вобрала в себя двести статей из полутора тысяч, написанных Эренбургом за четыре года войны. Репортажи, листовки, фельетоны, обзоры адресовались в основном бойцам фронта и тыла и были подчинены единственной цели: помочь стране победить врага. Эренбург работал ежедневно и на износ. Его тексты печатались в центральных газетах, звучали по радио, выходили брошюрами и книжками. Их знала и ждала вся страна — от солдат до маршалов, от рабочих до крестьян. Параллельно сообщения писателя выходили и в антигитлеровских странах Америки и Европы, где также были популярны.

Собранная вместе публицистика Эренбурга дает пунктир главных событий на советско-германском фронте в 1941–1945 годах и показывает весь ужас войны, из которой народы СССР вышли победителями.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-119494-9

© И. Эренбург (наследники), 2019
© Б. Фрезинский, подготовка текста, составление,
вступительная статья, примечания, 2019
© РИА Новости
© ООО «Издательство АСТ», 2019

ПОМНИТЬ !

(Война Ильи Эренбурга)

Эта книга не ставит своей целью вас развлечь.

Это не детектив или приключенческий роман (такое изображение Отечественной войны заполняет различные телеканалы в годовщины старых военных побед). Вместе с тем это и не серьезный справочник по истории войны, из которого читатель сможет узнать все про причины и следствия, тайные пружины, действующих лиц и масштабные военные операции. И это не мемуары участника войны — с картинками военной жизни и переживаний автора.

Это сборник *статей* Ильи Эренбурга, писавшихся ежедневно в течение четырех военных лет и обращенных прежде всего к бойцам фронта (многие короткие и яростные выступления Эренбурга зачитывались им политруками перед боем) и к бойцам тыла (в тылу статьи Эренбурга читались тоже до дыр). Отмечу, что в семитомных воспоминаниях Ильи Эренбурга «Люди, годы, жизнь» есть пятая книга, целиком посвященная событиям Отечественной войны, — при написании ее Эренбургу не раз помогали его корреспонденции военных лет, напоминая о тех или иных подробностях фронтовых поездок, встреч и разговоров.

Это поневоле *избранные* статьи (хотя в книге их больше двухсот, но всего Эренбургом за время той войны их написано не меньше полутора тысяч). Статьи — разных жанров: хлесткие фельетоны (в первые месяцы войны, в тяжкую пору военных поражений Эренбург хотел избавить наших бойцов от ощущения фатального превосходства гитлеровцев), репортажи с фронтов, гневные перечни бед, принесенных врагом, чудовищных его преступлений, раздумья о будущем. Это статьи *писателя*, хотя лишь изредка в них заходит речь о литературе. Больше всего в книге написанного для тех, кто добывал победу на фронте и в тылу; из сотен и сотен репортажей Эренбурга для заграницы в книгу вошло чуть больше тридцати (они, как правило, не имели авторских заголовков и названы датами написания*). Конечно, собранная вместе, публицистика Эренбурга дает пунктир главных событий на

*Почти все статьи, озаглавленные числами, приводятся по книге Эренбурга «Летопись мужества», подготовленной Л.И. Лазаревым в 1973 г. — *Здесь и далее примеч. сост.*

советско-германском фронте в 1941–1945 годах, а иногда и на других театрах мировой войны, но не это определяет цель данного издания.

У этой книги две главные задачи.

Во-первых, предоставить возможность современному читателю ощутить *накал* той страшной войны, тех кровавых 1418 дней. Думаю, что в этом смысле у нас нет более точного историко-публицистического документа, чем эта книга, потому что, читая не причесанные цензурой последующих годов тексты самого популярного публициста войны, обращенные к тем, кто воюет, то есть убивает врагов, чтобы спасти себя и своих близких, а стало быть, и свою страну от того, что ей реально угрожает, — читая их, нельзя не почувствовать именно *накал* той войны, что называется, своей кожей. Накал войны, которую уже традиционно считают у нас народной, героической и справедливой. Никак не принимая заслуг других народов антигитлеровской коалиции, можно сказать: именно народы СССР внесли решающий, оплаченный немислимо дорогой ценой вклад в общую победу над фашизмом, создав в 1945 году *необходимые* условия для цивилизованного существования и последующего процветания Западной Европы (американский военно-экономический щит в послевоенной Европе превратил эти условия в *достаточные*, но это уже другая тема).

Ту народную, героическую и справедливую войну нельзя вместе с тем не считать исключительно *жестоким и трагическим* испытанием для народов СССР — не столько даже потому, что на каждого погибшего немца приходилось в среднем семь погибших советских граждан, но и потому еще, что именно наши народы-победители не заработали себе за эти четыре кровавых года реального права достойной жизни, и даже теперь, спустя 70 лет после весны 1945 года, живут, в среднем, хуже всех в Европе (имею в виду не только материальную сторону существования). Наше государство как было, так, в общем-то, и осталось тем неизменным молохом, которому подчинено все. Вот и получается, что если когда-либо советские народы и чувствовали себя свободными и раскованными, то именно в окопах Отечественной войны, ибо знали, что страшнее, чем в этих окопах, уже не будет (это одна из тем романа Василия Гроссмана «Жизнь и судьба»). Конечно, можно было бы заметить, что каждый народ живет так, как того заслуживает, но понимание этого (видимо, в целом справедливого) утверждения лишь усугубляет ощущение нашей трагедии. Помимо этой первой, чисто исторической (или военно-исторической) задачи есть у книги Ильи Эренбурга и другая цель — историко-литературная. Она представляет читателю тексты, беспрецедентные по воздействию на читателя тех лет, вызывавшие двойной эффект по обе стороны фронта: ярость красноармейцев к врагу и ненависть фашистов к Эренбургу (геббельсовская пропаганда все время использовала его статьи для создания образа лютого врага). Эти статьи практически неизвестные сегодня новым поколениям читателей, интересующихся историей России, — несомненный историко-литературный феномен. И теперь, когда к ним (или к мифам о них)

вдруг возвращаются по обе стороны мысленной линии давнего фронта, равнодушными они не оставляют никого. Могу вспомнить, например, неоднозначно-острые отклики в Германии на значимую берлинскую выставку 1997 года в Карлсхорсте, посвященную Эренбургу. Что касается пожилых граждан России (речь не о ветеранах войны), то они о военных статьях писателя, скорее всего, забыли, а если отдельные интеллигенты их и вспоминают иногда, то, с легкой руки германиста Льва Копелева, сугубо в смысле их-де избыточной ненависти к немцам (то есть к врагу, вторгшемуся в нашу страну с целью ее порабощения). Таковы, скажем, «прозрения» тех эренбурговских поклонников времен войны, которые на старости лет вдруг обнаружили, что «не понимали страшного воздействия его статей, разжигавших ненависть наших солдат», как будто убийство без ненависти гуманнее, а на войне есть дела поважнее убийства оккупантов. Сокрушающимся о «негуманности» военной публицистики Эренбурга или о «нетребовательности» военного времени, предпочитавшего «императивное слово» писателя «оригинальности художественно-философской концепции», не стоит забывать об исторической конкретности истины, при всей ее внеисторической многозначности.

Нельзя не содрогаться при мысли о том, что принес миру выбор немецким народом национал-социалистов в 1933 году, как и тому, во что обошлась России победа отечественного национал-большевизма в 1929-м. Но изменить что-либо можно не в истории, а в нашем будущем. Впрочем, не имея исторической памяти и не найдя в себе воли и духа осудить преступления прошлого, вряд ли можно получить шанс жить по-человечески в будущем.

Черная тень Сталина проецируется на все события Отечественной войны, начиная с ее первого дня, подвергнувшего сомнению вдолбленную советским людям привычку считать Сталина ясновидящим. Понятно, что для абсолютного большинства населения вопрос о Сталине-руководителе в годы войны вообще не стоял (не только потому, что «коней на переправе не меняют»). Что же касается идеи заменить Сталина Гитлером, то она не была широко популярной даже среди эмигрантских антагонистов советского режима.

Война отчетливо делится на две части: пору сокрушительных поражений 1941 и 1942-го и пору неостановимого наступления, начавшуюся в 1943-м. Именно этим годом датируется неприкрытый переход политики Сталина от завещанного интернационализма к банальному шовинизму. И одновременно, в советской пропаганде вновь вспыхнуло восхваление вождя, заметно увядавшее было в начале войны. Читатель заметит это и по статьям Эренбурга. Хочешь не хочешь, но он принимал участие в укреплении сталинского культа — разумеется, не так грубо, бесстыдно и бездарно, как большинство участников этого процесса, но тем не менее. Все его важные статьи, прежде чем появиться в газете, печатались на хорошей бумаге и отвозились Сталину. Вождь был личным цензором писателя, о чем тот знал.

Это обстоятельство помимо воли влияло на текст; что касается фраз о самом Сталине, то, как бы наивно это ни выглядело, писались они не без расчета: может быть, прочтя, Сталин задумается и, глядишь, захочет сказанному о нем соответствовать. В годы «оттепели» Эренбург как-то заметил, что, умри Сталин в 1945-м, возможно, победа в войне списала бы все его предвоенные преступления. Потому что хотя диктатор не был великим военным стратегом (правда, нередко он умел выслушивать своих маршалов и даже соглашаться с их предложениями), но в массовом сознании и в СССР, и за границей победу в войне связывали именно с его именем. Даже теперь, через полвека после смерти отца народов, избавившей страну от близкого краха, уже старые, но не знавшие войны и не участвовавшие в ней люди приходят на митинги с его портретами и думают, что это он победил Гитлера.

«В тяжелую страду войны Эренбург работал больше, самоотверженнее и лучше всех нас», — признавался один из самых популярных журналистов и поэтов войны Константин Симонов. Приведу здесь еще эпизод из воспоминаний писателя Саввы Головановского: была в Союзе писателей узкая встреча с нашим послом в Лондоне И.М. Майским, на которой он, заговорив о военной работе Эренбурга, заметил, что в годы войны «существовало только два человека, влияние которых можно было сравнивать: имя одного — Эренбург, второго он не назвал, как видно испугавшись собственной идеи — сравнивать...»

Три причины этого связаны с самим Эренбургом: 1) он лично ненавидел фашизм и знал о нем не из книг (за его плечами была война в Испании и знание Германии, беременной фашизмом), 2) природа его публицистического дара (слово «ненависть» в словаре писателя всегда было значимо) и литературный темперамент, 3) поразительная работоспособность.

Остальные причины были связаны с положением в СССР, каким оно сложилось в 1939 году, когда запретили всякую антифашистскую пропаганду. Виновниками Второй мировой войны пропаганда именovala «империалистических агрессоров» Францию и Англию, объявивших войну дружественной СССР Германии. Советские граждане, так не думавшие, помалкивали; средний обыватель считал, что Сталин лучше его разбирается во всем. Идеологически разоружив аппарат, Сталин лишил к началу войны пропагандистскую машину антифашистской прививки. Но Эренбурга, в отличие от его коллег, 1939 год застал не в Москве, а в Париже. С весны 1939-го его не печатали. А в сентябре Эренбург, еще не пришедший в себя от поражения Испанской республики (с 1936-го по 1939-й он был военкором в Испании), получил второй, сокрушающий удар — пакт Сталина с Гитлером, после чего фюрер оккупировал одну европейскую страну за другой. Положение Эренбурга становилось безнадежным: в Москве его ждал неминуемый арест, а на победу Франции над Гитлером надежд почти не было. 14 июня 1940 года гитлеровцы вошли в Париж. Советский паспорт временно ограждал Эренбурга от гитлеровской рас-

правы, но как Сталин выдавал Гитлеру немецких антифашистов, так и Гитлер охотно помог бы коллеге. Заходя в кафе, где победители свободно болтали о дальнейших военных планах, Эренбург понял: они ждут приказа: «На Россию!». Это давало ему шанс. Советский консул в Париже организовал его проезд через Германию под чужим именем. В Москве Эренбург немедленно написал Молотову, но — увы: эта информация Кремль не заинтересовала (однако Сталин решил пока Эренбурга приберечь).

Москва встретила писателя прохладно; ему оставалось только ждать (правда, недолго: меньше года). Он писал очерки о крушении Франции (их иногда печатали в «Труде»), начал роман «Падение Парижа»; за три недели до войны удивил друзей прогнозом, который сбылся точно 22 июня. В этот день Эренбург написал первую военную статью. Ее не напечатали (команды сверху не было, а сами редакторы еще не понимали, что началась другая жизнь). 25 июня вторую статью Эренбурга напечатал «Труд», а на следующий день — уже две его статьи появились в «Известиях» и в «Красной звезде». Так началась бессменная четырехлетняя война Ильи Эренбурга — его статьи появлялись почти ежедневно в «Красной звезде», иногда в «Правде», изредка в «Известиях» и «Комсомолке», еще реже в «Труде»; о масштабе его огромной, зачастую тоже ежедневной, работы для зарубежной печати знали лишь близкие и те, кому положено.

Эренбург работал на износ, без выходных — а ему было за 50. В работоспособности ему уступали и молодые, в таланте публициста — все.

Статьи Эренбурга были подчинены одной цели: помочь стране победить врага. Для этого необходимо было вооружить население ненавистью к фашистам. Презрительным, издевательским тоном гневных фраз Эренбург избавлял от страха перед врагом. Наиболее одурманенные классовой теорией читатели в первые дни войны думали, что немецкие пролетарии, оказавшись на территории первой страны социализма, тут же повернут оружие против эсэсовцев. Статьи Эренбурга не оставляли камня на камне от классовых ожиданий. Именно с его подачи слово «немец» (или «фриц») тогда стало синонимом слова «фашист». Так еще никто не писал и так еще думали не все. Вот книжка «Мы не простим», подписанная к печати 7 октября 1941 года, когда немцы стояли у Москвы. Рядом со статьями Эренбурга и Гроссмана («Фабрика убийц» и «Коричневые клопы») заметка «Чувствительность и жестокость» Федина, хорошо помнившего Первую мировую войну, интернированного в Германии и полагавшего, что немцы всё те же: вместо короткого «убей немца!» он неторопливо объясняет бойцам: «Мы знаем уязвимость чувствительного места в психологии врага. Мы будем ранить это место все более ощутимо и болезненно» и т.д. Поэтому, когда газеты доходили до наших окопов, бойцы читали не Федина.

К такому накалу и стилю работы не были готовы и сталинские аппаратчики; сама постановка пропаганды была из рук вон плохой. 3 сентября 1941 года Эренбург писал секретарю ЦК по идеологии Щербакову:

«Мне пришлось убедиться в том, что вражеская пропаганда доходит до широких кругов населения (листовки, «слухи», исходящие от агентов противника). Мне кажется, что необходима контрпропаганда. Нельзя оставлять без прямого или косвенного ответа инсинуации врагов. Приведу пример: в городе говорят о том, что немцы отпускают людей из Смоленска в Москву, не причинив им вреда. Этих людей якобы видели и т.д. Необходимо это опровергнуть и высмеять. По-моему, желательна статья русского с именем (Шолохова или Толстого) об евреях, разоблачающая басню, что гнев Гитлера направлен только против евреев... Наконец, я хочу указать, что статьи, объясняющие военное положение, как, например, статьи в «Красной звезде» о боях за Смоленск и Гомель, зачитываются до дыр. Почему таких статей не печатают центральные органы? Я решаюсь обратить на все это внимание после многих бесед с рабочими на заводах, с ранеными в госпиталях, с интеллигенцией».

Так же скверно обстояло дело и со всем, что писалось для Запада. В том же письме Щербакову об этом сказано: «По предложению <начальника Совинформбюро> т. Лозовского я согласился писать корреспонденции для иностранной печати. За полтора месяца я отправил около семидесяти телеграмм в американское агентство «Оверсис» и в две лондонские газеты «Дэйли геральд» и «Ивнинг стандарт». Работа эта чрезвычайно неблагодарная: чтобы «опередить» спецкоров, находящихся в Москве, нужно давать что-либо недоступное для иностранных корреспондентов. Никаких сведений (информации), никакой помощи от Информбюро я не получал. Приходилось делать все самому. Как я неоднократно указывал т. Лозовскому, мои корреспонденции, проходя двойную цензуру (военную и политическую), регулярно искажались, причем товарищи занимались не только содержанием моих статей, но даже их литературным стилем. Это, помимо всего прочего, задерживало отправку телеграмм... Слушая лондонское радио, я знаю, что англичане информированы больше, нежели сведения, которые можно взять из наших газет — я говорю и о положительных факторах (уничтожение немцев на левом берегу Днепра, наши контратаки вокруг Смоленска и пр.), поэтому, передавая им информационный материал, очень трудно дать что-нибудь новое... Я едва справляюсь, и без телеграмм за границу, с работой. Кроме ежедневной работы в «Красной звезде» приходится писать и для других газет. Две ежедневных статьи для Америки и Англии отнимают полдня и заставляют меня отказывать редакциям наших газет. Поэтому продолжать *ежедневно* писать информационные телеграммы для заграницы стоит лишь в том случае, если Вы признаете это важным. А в этом случае необходимо срочно улучшить условия работы». Какое-то действие это письмо возымело.

Совмещение двух работ было нелегким делом; подчас и для «Красной звезды», и для заграницы Эренбург писал об одном и том же, но писал совершенно по-разному: задачи этих корреспонденций были неодинаковые (сравните хотя бы две статьи о падении Киева — 25 и 27 сентября 1941 года).

Цензурный пресс не ослабевал; 7 октября 1941 года Эренбург писал трем руководителям совпропаганды — Щербакову, Лозовскому и Александрову: «Мне непонятно, почему наши печать и радио не отозвались на падение Киева и уничтожение плотины Днепрогэса. Об этом все говорят: на заводах, в воинских частях, на улице. Нельзя обойти молчанием события такой значимости для страны... Никто не понимает, почему военное положение освещается через ответы т. Лозовского иностранным корреспондентам на пресс-конференции. Говорят (по-моему, резонно): "Значит, иностранцам можно спрашивать, им отвечают, а нам не говорят" ...» Помимо политической правки редакции осуществляли еще и стилистическую. 30 января 1942-го Эренбург объяснял редактору «Правды»: «С первого дня войны я часто писал вещи без подписи и считаю, что писатель в дни войны, если он не может с оружием защищать Родину, должен выполнять любую работу, поскольку она полезна Красной Армии и стране. Не потому я протестовал против стилистической правки статей, что обиделся за свои "произведения". Нет, не в этом дело. Но мне кажется, что писатель, говоря своим голосом, употребляя свой словарь, своими интонациями лучше доходит до читателя, является лучшим агитатором».

Уже осенью 1941 года Эренбург начал получать письма с фронта; он чувствовал, что его слово доходит до бойцов, и работал, преодолевая усталость (8 июня 1942 года Эренбург писал знакомому литератору в Ташкент: «Я работаю, как поденщик: пишу и пишу, от "фрицев" одурел»).

Письма читателей (в годы войны Эренбургу их шли тысячи от незнакомых ему прежде людей — и каждому он отвечал) — это кровь его публицистики. В статье «Сильнее смерти» есть такие слова о фронтовике Аскаре Лекерове: «Ваше письмо, которое я напечатал в "Красной звезде", дойдет до сердца всех бойцов и поможет еще глубже осознать любовь к Родине». Почти всю войну шла переписка Эренбурга с легендарным снайпером Гавриилом Хандогиним (она печаталась в красноармейской газете «Родина зовет»), с танкистом Иваном Чмилем и многими-многими другими. Беру наугад: 24 февраля 1942 года с фронта Эренбургу пишет политрук Медоков: «Я с первых дней на фронте. Всякое бывало, печальное и радостное... В сентябре мы занимали оборону. На этом участке наступление противника было приостановлено. На помощь приходили ваши слова... достанешь "Звездочку" (это наша любимая газета), читаешь. Что скажет Эренбург? Дружный взрыв смеха, веселье, бодрость, а в итоге суровые лица и кто-нибудь скажет сквозь зубы: "У, гады..."». А вот письмо 1943 года: «Почту нам приносят в 18.00. Уже за час до этого времени мы с нетерпением просматриваем в ту сторону, откуда обычно приходит наш письмоносец... Раньше всего, конечно, просматриваем газеты. И всегда кто-нибудь задает вопрос: "Нет ли сегодня статьи Эренбурга?" Конечно, есть, ведь Вы так часто пишете. Нетерпение прочесть у всех настолько велико, что приходится читать вслух. И вот где-нибудь на опушке леса, в одном из блиндажей или окопов, в 600–800 метрах от противника звучат Ваши пламенные слова...»

Корреспондентами Эренбурга были люди разного возраста, разной культуры, попросту — разной грамотности; почти вся его почта шла прямо в «Красную звезду», иногда на обычном солдатском треугольнике выводили, как приказ: «Москва. Эренбургу» — и доходило. Неграмотные диктовали умеющим писать друзьям; снайперы, ведшие счет своим отстрелам, открывали боевой счет Эренбурга, на который заносили половину убитых ими фашистов; именем писателя называли свои машины лучшие танкисты... И все это не по приказу, а по личной воле. Эренбург слал на фронт табак, трубки, свои военные книжки. Регулярно выезжал в воинские части, случалось, навещал своих «друзей по переписке». Получить письмо от Эренбурга на фронте считалось также почетно, как быть отмеченным в приказе Верховного главнокомандующего. Многих своих адресатов Эренбург хорошо узнал за годы войны и встречался с ними после Победы. Тысячи коротеньких писем на машинке (его почерк был почти нечитаемым) сохранили бойцы, вернувшись с фронта домой... Вот типичное письмо начала 1943 года — танкисту Ивану Чмилю, о дружбе с которым рассказывается в мемуарах «Люди, годы, жизнь»: «Дорогой Иван Васильевич! Рад узнать, что Вы здоровы. Надеюсь, что Вы получили письмо из дома и что все ваши тоже здоровы. Зима не сулит фрицам ничего хорошего. Из Белоруссии идут хорошие вести. А в Берлине, должно быть, не весело. Бомбят их тоже не скверно. Мой горячий привет Костенко и Вашему экипажу. Крепко жму Вашу руку, дорогой Иван Васильевич, и желаю удачи».

Почти не оставалось времени на то, чем Эренбург жил в мирные годы; но иногда ему удавалось написать несколько стихотворений или статью не про бои (скажем, о любимом им Хемингуэе)... Эренбург был уверен, что настоящие книги о войне напишут ее участники, и ждал этих книг (стоит заметить, что, говоря о тогдашней прозе писателей, он выделил только двух авторов: Гроссмана и Платонова); он невероятно обрадовался стихам фронтовика Семена Гудзенко и читал их всем, кому мог...

Среди фронтовых корреспондентов Эренбурга оказывались и близкие души, с которыми он мог говорить не только о боях, — таков был, например, старший лейтенант артиллерист А.Ф. Морозов. 24 октября 1943 года Эренбург писал ему в часть: «Дорогой Александр Федорович, вернувшись с фронта, нашел Ваше письмо и обрадовался ему. Рад, что у Вас все благополучно. Мне очень понятно и близко все, что Вы пишете об искусстве: это мои чувства и мысли. Минутами я начинаю надеяться, что такие, как Вы, вернувшись после войны, окажутся сильнее рутины и ограниченности. Минутами я сам впадаю в хандру. Теперь приближается развязка. Я был у Киева. Немцы не те, и они быстро катятся под гору. Разорение ужасное: уходя жгут. Да и люди, бывшие под ними, как-то деформированы. Шлю Вам "Войну" 2. (т.е. второй том «Войны» со статьями 1942–1943 годов. — Б.Ф). Она уже отстала от событий. Все это написано для одного дня. Для детей будут писать потом: немного правдивей и немного обманчивей — психологический реализм плюс исто-

рическая легенда». 10 ноября 1943 года Морозов ответил Эренбургу: «Вы не правы, когда говорите, что книга устарела. Она живет каждой своей страницей, каждым словом. Я не знаю ничего, кроме собственного чувства к Родине, что было бы действенное и пламеннее Вашей книги. Это не фельетоны, а сгустки крови...»

Статьи Эренбурга распространяли информационные агентства США, Англии, Латинской Америки, подпольные издания Франции, они печатались в Скандинавии и на Ближнем Востоке. Их высоко оценивали не только рядовые читатели, но и профессионалы. Известный английский писатель Дж. Б. Пристли написал в предисловии к книге военных статей Эренбурга «Россия в войне», вышедшей в 1943 году в Лондоне: «Перед нами лучший из известных нам русских военных публицистов. Я бы хотел, чтобы и мы били врага так, как русские. Мне скажут, что у нас свои собственные обычаи, своя официально-джентльменская гладенькая традиция. Но сейчас самое время распрощаться с этой традицией правящего класса, которой не под силу выразить чувства сражающегося народа. А между тем вот — Илья Эренбург со своим неистовым стаккато рубленых фраз, острым умом и презрением, показывающий нам, как это делается». Эрнест Хемингуэй, с которым Эренбург подружился на испанской войне, писал ему после Победы: «Я часто думал о тебе все эти годы после Испании и очень гордился той изумительной работой, которую ты делал во время войны». Чилийский поэт Пабло Неруда на антифашистских митингах в Латинской Америке читал свое письмо Илье Эренбургу: «Всех нас воспитала сила твоих обличений, никогда всеобщее равнодушие не знало более грозного меча, чем твое слово, а тем временем углублялись и углублялись морщины между твоих густых бровей. Мир молчал вокруг нас, словно зимняя ночь, и ты, Илья Эренбург, заполнял это молчание рассказами о России, старой, и новой, и вечной...»

Короткое как выстрел «Убей немца» относилось к конкретным времени и месту, когда немцы с оружием в руках и с планами уничтожения России ворвались на ее земли. В Германии и поныне вдруг оживает память о тех словах, и автора их обвиняют в ненависти к немцам вообще. 14 октября 1966 года Эренбурга навестил в Москве писатель Генрих Белль. Лев Копелев, присутствовавший при этой встрече, записал в дневнике слова, сказанные Эренбургом гостю: «Меня обвиняют, что я не люблю немцев. Это неправда. Я люблю все народы. Но я не скрываю, когда вижу у них недостатки. У немцев есть национальная особенность — все доводить до экстремальных крайностей, и добро и зло. Гитлер — это крайнее зло. Недавно я встретил молодого немца, он стал мне доказывать, что в этой войне все стороны были жестоки, все народы одинаково виноваты. Это совершенно неправильно. Сталин обманывал народы. Он сулил им добро, обещал всем только хорошее, а действовал жестоко. Но Гитлер ведь прямо говорил, что будет завоевывать, утверждать расу господ, уничтожать евреев, подавлять, поработать низшие расы. Так что нельзя

уравнивать вины». «Белль с этим согласен», — констатирует Копелев... Конечно, в военных статьях Эренбурга и даже в его стихах 1942 года (не преодолевших инерции ежедневной газетной работы*) немецкий солдат выписан одной краской — черно-черной. Но вот письмо, отправленное Эренбургом в 1964 году знаменитому адмиралу и хорошему писателю И.С. Исакову (по прочтении его новой вещи): «Я позволю себе только один вопрос. Не кажется ли Вам, что сцена, где фигурируют наши противники, выпадает из остального: свои показаны с живописной глубиной, а враги — плакатно. Если бы это было в годы войны, я понял бы Ваше намерение, а сейчас эта страница мешает общему сильному впечатлению...»

Чем более радовали Эренбурга фронтовики, тем тяжелее становилось читать некоторые письма из тыла — особенно от эвакуированных. Да и с фронта, бывало, писали о своих семьях, о том, как невнимательны и несправедливы к ним местные власти. Иногда Эренбургу удавалось с этим помочь (см., например, статью 1942 года «Высокое дело» и примечание к ней); труднее было исправить тыловые, глубинные нравы. Одна из самых острых проблем была связана с многонациональностью страны. Эренбург не упускал случая напоминать читателям, что воюют с фашистами все народы Союза. Начиная с 1943 года шло фронтальное освобождение оккупированных районов; объезжая их, Эренбург видел, как гитлеровская пропаганда деформировала людей (так, повсеместно возрождался антисемитизм). Зная, что в аппарате ЦК такие взгляды не редкость (и без оккупации), Эренбург в феврале 1943-го, вернувшись из Курской области, написал Щербакову: «Хочу поделиться с Вами следующим выводом, сделанным мною после двухнедельного пребывания в Курской области. Необходимо, во-первых, рассказывать нашей армии о демагогически-подлом характере немецкой оккупации. Во-вторых, снабдить каждого командира и бойца материалом для агитации среди населения, так как каждый солдат Красной Армии становится агитатором. Наверное, товарищи, приезжающие с фронта, Вам уже говорили о положении в освобожденных областях. Я хотел только отметить срочность освещения вопроса в центральной и армейской печати». Сам Эренбург написал тогда очерки «Новый порядок в Курске», напечатанные несколькими изданиями, и брошюру «Одно сердце» — ее издали без титульного листа и без фамилии автора на обложке: разбрасывали по еще оккупированным районам.

Придя в себя после поражений 1941–1942 годов, цензура свирепела. В 1943-м набрали книгу Эренбурга «Сто писем» (письма фронтовиков), однако набор рассыпали, а напечатали ее в Москве... по-французски... В мемуарах Эренбург написал обо всем этом поневоле иносказательно: «В 1943 году начали собираться те тучи, которые пять лет спустя обложили небо. Но враг еще стоял на нашей земле. Народ стойко воевал, и была

*Эта же инерция сказалась и в некоторых статьях Эренбурга о литературе (например, в статье «Лирика провокатора» о книге Веркора «Молчание моря»).

в его подвиге такая сила, что можно было жить честно, громко, не обращая внимания на многое. Я твердо верил, что после победы все сразу изменится. Теперь, оглядываясь назад, мне приходится то и дело признаваться в наивности, в слепоте. Это легче, чем в свое время было верить, порой наперекор всему. Я вспоминаю беседы на фронте и в тылу, перечитываю письма, — кажется, все тогда думали, что после победы люди узнают настоящий мир, счастье. Конечно, мы знали, что страна разорена, обнищала, придется много работать, золотые горы нам не снились. Но мы верили, что победа принесет справедливость, что восторжествует человеческое достоинство... Мы можем только горько усмехнуться, вспомнив мечты тех лет, но никто себя за них не осудит».

Одна из самых больных и горьких тем этой книги — еврейская. Эренбург — человек русской культуры — не знал еврейского языка и считал себя ассимилянтом, хотя в молодости не раз к теме своего еврейства обращался. Он честно сказал о себе 24 августа 1941 года на митинге в Москве: «Я вырос в русском городе, в Москве. Мой родной язык русский. Я русский писатель. Сейчас, как все русские, я защищаю мою родину. Но гитлеровцы мне напомнили и другое: мать мою звали Ханой. Я — еврей. Я говорю это с гордостью. Нас сильнее всего ненавидит Гитлер. И это нас красит». По мнению партаппарата, с 1943 года это уже отнюдь не красило. Не проявляй Эренбург настойчивости, воли и изобретательности, не смог бы он пробиваться на страницы газет с напоминанием, что, вопреки лжи антисемитов, евреи воюют никак не хуже других народов СССР. Так, статью «Евреи» напечатали только потому, что до ее появления Эренбург написал статьи о казахах, узбеках, татарах и других воюющих народах СССР. В этой книге впервые публикуются и две статьи, в войну напечатанные только в переводе на идиш — печатать их по-русски не позволили. И все-таки даже в этих статьях Эренбург, и он сам это понимал, не был так свободен, как, скажем, Юлиан Тувим, написавший в Нью-Йорке обращение «Мы, польские евреи...». Оно было написано кровью и Эренбурга потрясло (не раз он его цитировал — даже в «Правде»: «Антисемитизм — международный язык фашистов»); замечу, что полный его перевод в России напечатан лишь в 2008 году...

Масштаб Холокоста Эренбург смог осознать лично, объездив освобожденные Украину, Белоруссию, Литву. Спаслись единицы. 22 июня 1944 года он писал в Донбасс чудом уцелевшей девочке Фриде Абович: «Дорогая Фрида, я счастлив, что ты спаслась и что тебе теперь хорошо живется. Храни память о твоём отце, люби в жизни правду и добро, ненавидь зло, суеверия и свирепость, которые ты увидела в лице фашистов и предателей. Учись хорошо, нашему народу нужны ясные головы и умелые руки. Помни, что у тебя на свете есть старый друг — писатель Илья Эренбург, который тебе всегда поможет в жизни...» Написал Эренбург и донбассцу Д.И. Романцу: «Дорогой Даниил Иванович, сердечно благодарю Вас за Ваше письмо и еще раз хочу высказать Вам свое восхищение перед Вашим поведением, достойным советского патриота и